

Бабич Николай Сергеевич**Babich Nikolay Sergeevich**

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

PhD in Social Science,
Senior Research Fellow,
Institute of Sociology,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ПОСТРОЕНИЮ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ON AN APPROACH TO BUILDING A COGNITIVE MODEL OF SOCIAL REALITY

Аннотация:

В статье ставится проблема соотношения индивидуального сознания и общества в контексте отсутствия единой и убедительной теории сознания. В такой ситуации природа социальной реальности не может эффективно исследоваться, поскольку ее объяснение оказывается сведением одного неизвестного к другому неизвестному. Для решения этой проблемы предлагается редукционистская модель сознания, аналитически исключающая необъясненные аспекты, а потому применимая в рамках социологии. В рамках модельной редукции, претендующей не на раскрытие сущности феномена, а только на его упрощение, удобное в некоторых отношениях, сознание определяется как эпифеномен функционирования памяти. Реальную значимость эта модель имеет для объяснения социальных явлений, прежде всего через определение природы социальной реальности. Она может быть интерпретирована как совокупность каузально связанных воспоминаний, одинаковым образом представленных в сознании индивидов, принадлежащих к различным группам. В формализованном виде: $C (I_1 (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')) \dots I_k (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')))$, где C – совокупность каузальных связей между объектами M , которые представляют собой общую память совокупностей индивидов I и сами существуют только на этих совокупностях; k, x, y, z – индексы, характеризующие численность соответствующих множеств. Несмотря на простоту, эта дефиниция открывает определенные перспективы для объяснения таких феноменов, как границы общества, эндогенные социальные изменения и социальные нормы.

Ключевые слова:

социальная реальность, сознание, память, интерес субъективности, субъективный опыт, редукционизм, социальные изменения, социальные нормы.

Summary:

The paper deals with the problem of the relationship between individual consciousness and society in the context of the lack of a single and convincing theory of consciousness. In such a situation, the nature of social reality cannot be effectively studied since its explanation turns out to be a reduction of one unknown to another unknown. To solve this problem, a reductionist model of consciousness is proposed that analytically excludes unexplained aspects and therefore can be applied in sociology. Within the framework of a model reduction that claims not to reveal the essence of the phenomenon but only to simplify it, which is convenient in some respects, consciousness is defined as the epiphenomenon of memory functioning. The reductionist approach to consciousness plays an important role in describing social phenomena as it primarily identifies the nature of social reality. It can be interpreted as a set of causally related memories that are equally represented in the minds of individuals belonging to different groups. A cognitive model of social reality can be described by the following expression: $C (I_1 (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')) \dots I_k (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')))$ where C is a set of causal links between M -objects which are a common memory of the sets of I -individuals and exist only within these sets; k, x, y, z are the indices characterizing the number of the corresponding sets. Although very simple, this definition provides opportunities for explaining such phenomena as the boundaries of societies, endogenous social changes, and social norms.

Keywords:

social reality, consciousness, memory, intersubjectivity, subjective experience, reductionism, social changes, social norms.

Постановка задачи

Фундаментальный для социологии вопрос о природе ее объекта, о том, что же представляет собой общество, исторически имеет несколько ответов в рамках различных течений. Крайний социологический номинализм полагал его более или менее простой совокупностью индивидуальных психических явлений [1, с. 3]. Крайний социологический реализм, напротив, сводил индивидов к функции от социальной среды [2, с. 264]. Диалектический подход рассматривает человека и общество как порождающие друг друга сущности [3, с. 102]. Наконец, существуют сторонники онтологического разрыва, постулирующие взаимосвязанную, но самостоятельную реальность социального и индивидуального: «Хотя общество существует только через посредство че-

ловеческой деятельности и человеческая деятельность (или существование) всегда предполагает (и выражает) ту или иную определенную социальную форму, они не могут быть сведены друг к другу или выведены друг из друга» [4, р. 83].

Нетрудно видеть, что все варианты решения так или иначе предполагают весьма существенную, если не определяющую, роль индивидуального человеческого сознания в конституировании социальных феноменов. Суждение о том, что «не существует общества без индивидов, его образующих» [5, р. 3], можно считать не только общепринятым, но и логически необходимым. Однако это накладывает определенные ограничения на развитие социологической теории в силу того обстоятельства, что наука пока не может достаточно точно определить, что собой представляет индивидуальное сознание, которое лежит в основе общества.

Феномен сознания, как и феномен общества, является предметом множества противоречащих друг другу теорий, которые пытаются ответить на вопрос о том, каким образом в материальном мире возникает субъективный опыт. Данная проблема, известная как «трудная проблема сознания», может быть сформулирована различными способами, но неизменно включает в себя два основных вопроса: 1) почему мозг порождает сознание; 2) каким образом мозг порождает сознание [6, с. 232]. Ответы на эти вопросы варьируют от панпсихизма до попыток элиминации субъективности. Так, Г. Стросон, акцентируя внимание на самой по себе необходимости вывести сознание из физической реальности, указывает, что «существуют границы того, насколько разными могут быть (разумно полагать) X и Y, если действительно Y возникает из X» [7, р. 28]. Тем самым материя оказывается с необходимостью обладающей по крайней мере некоторыми свойствами, характерными для человеческого сознания (хотя заранее и неизвестно какими). В то же время существует точка зрения, согласно которой само по себе различие между субъективным опытом и наблюдаемой вовне физической реальностью является когнитивной иллюзией [8]. Разумеется, это крайние позиции, однако само их существование в современном научном дискурсе свидетельствует о состоянии исследований сознания, которые, по-видимому, достаточно далеки от решения «трудной проблемы».

Таким образом, все основные подходы к трактовке природы общества сталкиваются с необходимостью объяснения одного неизвестного через другое неизвестное. Эта трудность может быть устранена путем построения преднамеренно упрощенной модели индивидуального сознания, которая удовлетворяла бы потребностям социологического теоретизирования и эмпирических исследований, оставляя «за скобками» нерешенные вопросы психологии и философии. Это редукционистская стратегия, аналогию которой можно проследить в естественных науках. Например, основные результаты анатомии могут быть получены (как и сложилось исторически) без объяснения функционирования клеток молекулярной биологией. Однако для этих результатов требуется как минимум развитие гистологических моделей, описывающих строение, жизнедеятельность и развитие тканей как конгломератов клеток с определенными функциями.

В статье обсуждается один из вариантов подступов к решению такой задачи. Прежде всего, мы приведем несколько аргументов, показывающих, что предлагаемый подход имеет основания для существования и применения в социологии. Представив предварительную формулировку упрощенной модели сознания и выводимой из нее модели социальной реальности, постараемся показать, что они соответствуют как социологическим традициям, так и критериям здравого смысла (хотя и не выводятся из допущений здравого смысла напрямую) как области социальных конструктов первого порядка [9, с. 64]. Затем будут рассмотрены варианты использования модели для объяснения социальных фактов. В настоящий момент необходима не столько демонстрация познавательных возможностей предложенного подхода, сколько доказательство его права на существование. Поэтому аргументация на всех этапах предлагается не в виде готовых решений, а как панорама проблемных областей, в которых открываются определенные исследовательские перспективы. При этом детализация каждой из них остается задачей будущего.

1. Модели сознания в теоретической социологии

Вырабатывая объяснение таких явлений, как социальные движения, социальные конфликты, общественное мнение, социальная идентичность и т. п., социология не может не использовать определенных моделей человеческого сознания. Сознание в широком смысле – как рефлексивный аспект культуры (например, классовое сознание) – представляет собой один из основных предметов социологического интереса. Но и в узком смысле – как система, регулирующая поведение конкретного индивида (его установки, мнения, взгляды, мотивации и т. п.), сознание является неотъемлемой частью любых социологических моделей человеческой деятельности. Иногда эта часть оказывается имплицитной, требующей реконструкции [10]. Иногда для своих целей социологи используют достаточно развитые в рамках других дисциплин модели (например, психоаналитическую) [11]. Иногда опираются на совокупность отдельных психических механизмов, имеющих каузальное значение, – таких, как эмоциональные реакции [12]. Однако во

многих случаях построение социологической теории оказывается сопряжено с необходимостью разработки собственной специфической модели индивидуального сознания.

Например, классик американской социологии Ч.Х. Кули предлагал антикартезианскую холистически-детерминистскую концепцию индивидуального сознания как части социального (притом что все части социального сознания постулировались взаимосвязанными и взаимовлияющими), разделенного на собственно сознательную и бессознательную части [13]. В этой концепции, когда человек думает о себе, он соотносится прежде всего со своей социальной позицией и действует исходя из нее. Однако значительную роль в определении поведения играют и бессознательные силы, в качестве которых Кули рассматривает объективный социальный контекст (язык, существующий уровень развития общества и т. п.). Таким образом формируется модель сознания, которая позднее будет названа сверхсоциализированной [14]. Попытка преодоления детерминистских тенденций, характерных для подобных социологических моделей, предпринимается, например, современным теоретиком М. Арчер. Для нее основой взаимодействия макросоциальной и индивидуальной реальности является рефлексивная работа индивидуального сознания в виде «внутреннего разговора», который определяет поведенческие границы подчинения и сопротивления социально-структурной детерминации [15].

Вообще коммуникативные аспекты сознательных состояний часто оказываются в центре внимания теоретической социологии второй половины XX в. Так, для Н. Лумана сознание представляет собой аутопоиетическую систему, самостоятельно развивающую внутренние структуры (поэтому вместо социализации следует говорить о самосоциализации), но использующую для этого образцы, обнаруживаемые во внешней (прежде всего социальной) среде [16, с. 140–141]. А так как последняя представляет собой систему коммуникации, то и все внешние функции индивидуального сознания (такие, как быть «личностью» или «субъектом») оказываются коммуникативным эффектом – результатом построенной определенным образом лингвистической семантики и синтаксиса [17, р. 387].

Конечно, подобные изыскания со стороны социологов могут вызывать вопросы относительно правомерности преодоления дисциплинарных границ. Легко найти основания утверждать, что модели сознания относятся исключительно к области психологии и должны изучаться в рамках соответствующих методических и теоретических традиций. Однако история науки показывает, что возражения против преодоления дисциплинарных ограничений наиболее характерны для недостаточно развитых отраслей научного знания (например, в химии начала XIX в. велось активное отмежевание от физики), а по мере развития теоретического и методического аппарата развиваются тенденции к «вертикальному» (от более базовых явлений к более сложным) междисциплинарному синтезу [18]. Это тем более справедливо для социологии, которая является интегративной наукой по отношению не только к психологии, но также и к биологии человека [19]. Наиболее актуальный пример из последней области – это необходимость включать в социологические исследования биологические модели для полноценного анализа такого явления, как гендер [20].

Таким образом, моделирование сознания в рамках социологического теоретизирования является не только правомерной, но и вполне обычной практикой. Причем это относится как к сознанию в широком смысле, традиционно изучаемому социологами, так и к сознанию в узком смысле, являющемуся не только продуктом культуры, но и автономной когнитивной системой, генерирующей мотивации, мнения, установки, оценки и в конечном итоге определяющей социальное поведение.

2. Общая стратегия редукции

Прежде всего введем различие между двумя видами редукционизма: субстанциальным и модельным. Для первой разновидности характерно отождествление по крайней мере существенной части модельных предположений с реальностью. Т. е. сторонник субстанциального индивидуализма полагает, что такой вещи, как «общество само по себе», нет в объективной реальности, это понятийный фантом, имя, относящееся к онтологически пустому множеству, подобно «единорогу» или «круглому квадрату». Модельный же редукционизм вообще не претендует на решение вопроса о реальности тех или иных объектов. В таком случае общество рассматривается как простая совокупность индивидов не потому, что отрицается существование «общества самого по себе», а просто в качестве удобного упрощающего допущения, столь же далекого от реальности, как «абсолютно черное тело» или «идеальный газ» в физике. Социолог, использующий одну редукционистскую модель для решения некоторой проблемы, спокойно может использовать совершенно другую модель для решения другой проблемы. Сравнительные достоинства моделей в данном случае зависят от их простоты, способности объяснять имеющиеся факты и предсказывать новые.

Любой редукционизм, очевидно, целесообразен лишь в тех случаях, когда неизвестное сводится к достаточно хорошо известному. Из всех ментальных феноменов наиболее изученным

и понятным для современной науки можно считать память. В силу того, что известны многие внутренние закономерности, а также нейрофизиологические и биохимические основы ее существования, именно редукция сознания к памяти открывает перспективу натуралистической исследовательской программы. В кратчайшем изложении она может быть описана тезисом «сознание – это и есть память в том же смысле, как вода – это вещество с химической формулой H_2O ». Тогда различие в употреблении терминов «сознание» и «память» сводится к тому, что в первом случае рассматривается эмпирический объект, реально существующий с «примесями» факторов окружающего мира, а во втором – теоретическая формула его состава, который, вероятно, в чистом виде можно получить только искусственным путем.

Исключительную роль памяти в объяснении сознания трудно не заметить, и ее влияние учитывается во всех сколько-нибудь развернутых моделях. Однако последовательных сторонников описанной радикальной позиции найти практически невозможно. Не относимся к таковым и мы. *Предлагаемый подход (для краткости будем называть его m-моделью – от слова memory) является условным допущением в духе модельного, а не субстанциального редукционизма.* Причем под памятью в m-модели понимается система записи, хранения и воспроизведения информации, которая, по-видимому, имеется в мозгу человека, но не обязательно тождественна известным сегодня биологическим структурам памяти и схемам ее функционирования, хотя заведомо пересекается с ними. Когда мы говорим о том, что m-модель что-то предсказывает или объясняет, пока речь идет только о подобии логически выводимых феноменов эмпирическим. Но можно надеяться, что впоследствии удастся формализовать модель до такой степени, что она даст экспериментально проверяемые предсказания, способные ее как подтвердить, так и опровергнуть с высокой степенью достоверности.

3. Память в социальных конструктах второго и первого порядка

Само по себе включение памяти в социологический контекст не является чем-то новым или оригинальным. Ее исследования, начавшиеся в дюркгеймианской традиции [21], активно велись в когнитивной социологии [22], исторической социологии [23], социологии культуры [24] и т. д. В конце XX – начале XXI в. наметились тенденции так называемого «бума памяти», который не обошел стороной и Россию [25]. В отдельных социологических исследованиях могут быть найдены и аналоги по меньшей мере некоторых аспектов m-модели. Например, Ф. Ферраротти пишет: «Прошлое – это то, чем мы являемся, потому что мы – то, чем мы стали. Более точно, *мы есть то, чем, как мы помним, мы были*» [26, р. 6]. Однако, несмотря на интенсивное развитие эмпирических социологических исследований памяти, включение этого понятия в теоретизирование происходит крайне редко [27]. И даже в этих случаях память используется преимущественно «в пассивном залоге» – как объект, социальные особенности которого необходимо объяснить [28].

Очевидный потенциал памяти для объяснения социального поведения не приводит к формированию соответствующих социологических моделей сознания, вероятно, прежде всего потому, что социальные исследователи в основном по-прежнему предпочитают рассматривать когнитивные процессы через «компьютерные модели», хотя и включающие некоторые расширения [29, р. 162]. А центральным элементом компьютерной архитектуры является процессор. Соответственно, и социальный актор в когнитивной перспективе мыслится в первую очередь как некоторый «вычислитель». Однако такое ограничение теоретических подходов не имеет под собой никакой априорной концептуальной основы, это лишь результат традиции. Вместе с тем существует и определенная традиция социологии памяти. Поэтому рассмотрение социального актора как эпифеномена процессов сохранения и извлечения информации (что и делается в m-модели), а не как эпифеномена процесса вычисления (например, в моделях рационального действия) не противоречит ни общим принципам социологического теоретизирования, ни традиционному набору объектов социологических исследований.

Но включенность некоторого термина в научный дискурс еще не означает его эффективности в качестве инструмента объяснения. Если мы вслед за А. Шюцем разделим социологические понятия на конструкты первого (повседневные понятия здравого смысла) и второго (собственно научные понятия) порядка [30, с. 61], то сможем констатировать, что термин, присутствующий в обеих сферах, должен обладать в них когерентными свойствами и смыслами. Иначе его использование будет двусмысленным и противоречивым. Поскольку m-модель представляет собой скорее дедуктивный, чем индуктивный проект, возникает необходимость продемонстрировать ее согласованность с конструктами первого порядка. Для этого рассмотрим несколько аргументов, любой из которых может быть предложен и понят условным «человеком с улицы». А это значит, что они свидетельствуют если не о полном, то о значительном соответствии m-модели повседневному словоупотреблению. Такое соответствие представляется важным предварительным тестом именно в связи с тем, что социологические понятия глубоко укоренены в обыденных

представлениях, поэтому, при прочих равных условиях, теория, соответствующая здравому смыслу, имеет более высокие шансы быть непротиворечивой и эмпирически проверяемой.

Первое положение может быть названо аргументом контекста. Допустим, некто Борис смотрит на белую страницу, покрытую черными значками, сосредоточившись на одной из строчек. В его сознании она предстает как читаемый текст. Но содержание этого представления определяется непосредственным восприятием текущего момента только в микроскопической части. Она равна объему информации, поступившей за последние миллисекунды. Все остальное содержание сознания – знание того, что перед Борисом текст, понимание его смысла, знание того, где и кем он читается, после каких событий и т. п. – все это оказывается доступным для сознания постольку, поскольку сохранено в памяти. Следовательно, содержание нашего сознания представляет собой целиком или почти целиком содержание памяти.

Второй тезис – аргумент сна – является несколько усиленной версией аргумента контекста. Пусть Борису приснится, что он король Франции. На то время, пока длится сон, его сознание, очевидно, каким-то образом меняется, так как он не испытывает сомнений в своем королевском статусе. Почему происходит это изменение? Потому что во сне Борис забыл о том, кто он на самом деле. Если он знает, что живет в Бангладеш, то именно эта страна оказывается местом жительства короля Франции. Если во сне он не забыл, что занимается когнитивными исследованиями, то именно такую профессию приобретает и король. Таким образом, содержание сознания и направление его работы во сне оказывается определено тем, что может вспомнить спящий.

Третий аргумент связан с возможностью трансплантации памяти. Несчастный Борис погиб. Но он был выдающимся ученым, создавшим технологию, позволяющую полностью стирать память человека, а также полностью копировать ее на цифровые носители и в мозг другого человека. Поэтому память погибшего Бориса решили скопировать в предварительно «очищенный» от собственных воспоминаний мозг младшего научного сотрудника Джона, вызвавшегося добровольцем. Джон, очнувшись, будет помнить действия, привычки, вкусы и пристрастия Бориса. Допустим, уже через несколько минут он обнаружит, что у него внешность кинозвезды. Это, несомненно, наложит отпечаток на принимаемые решения, способы мышления и многие другие проявления сознания. Но в любой момент после перезаписи памяти Джон может сказать: «У меня сознание Бориса, которое было помещено в тело Джона и поэтому изменилось». И это высказывание не только будет иметь смысл, его истинность будет довольно трудно опровергнуть, оставаясь в рамках здравого смысла. Результат мысленного эксперимента можно несколько усилить, представив себе, что перенос памяти осуществляется с помощью хирургии, а не цифровых технологий. Если определенные нейроны пересаживаются из одного мозга в другой, то опровергнуть истинность высказывания Джона о том, что он обладает сознанием Бориса, кажется, будет еще сложнее.

Три приведенных аргумента представляются достаточными для вывода о том, что редукция сознания к памяти в значительной степени соответствует здравому смыслу. Следовательно, она может рассматриваться как перспективный социологический способ рассуждения, относительно которого уместен вопрос о его объяснительных возможностях.

4. Объяснение социальных феноменов

Прежде всего познавательные возможности предложенного подхода могут быть раскрыты через установление того, что такое вообще социальная реальность. В свете сказанного она может весьма экономично трактоваться как одинаковая для разных людей память. Ясно, что президент США остается на своем посту благодаря тому, что окружающие его люди помнят о том, что такое «президент США», кто в данный момент им является и каковы последствия этого факта для поведения окружающих в отношении этого человека. Аналогичный способ рассуждения применим к любому социальному институту, структурному элементу или процессу. Богатые остаются богатыми до тех пор, пока бедные помнят об ограничении своих прав на чужое богатство, а религия исповедуется только теми, кто имеет о ней какое-то представление. Хорошо известный пример социальной типизации, приводимый А. Шюцем («Я считаю само собой разумеющимся, что мое действие (скажем, опускание в почтовый ящик адресованного и маркированного конверта) побудит неизвестного мне человека (почтальона) выполнить типичные действия...» [31, с. 27]), потому только и оказывается возможным, что отправитель и почтальон разделяют общую память о правилах работы почты и своих ролях.

В истории мысли наиболее близким понятием, описывающим эту систему общей памяти, можно считать «интерсубъективность» как свойство человеческого опыта быть независимым от личностных особенностей. Сам Э. Гуссерль, популяризовавший термин, полагал весь «объективный мир» опосредованным таким опытом [32, с. 119]. Однако если субъект редуцируется к памяти, то и интерсубъективный опыт, конституирующий реальность, превращается в воспоминания, одинаковые для всех членов некоторого поддерживающего взаимные контакты сообщества.

Поэтому, не претендуя на следование феноменологической традиции в целом, будем использовать термин «интерсубъективный» как отражающий общий опыт разных членов социальной группы. Именно в интерсубъективном поле разворачиваются события, образующие собственно социальные причинно-следственные связи – зависимость одинаковых воспоминаний друг от друга. Например, общая память содержит информацию о сроке истечения полномочий президента США, в результате чего проходят выборы, результаты которых образуют новые общие воспоминания.

Классическая онтология от элейских философов до настоящего времени рассматривает в качестве критерия реального существования вещи ее способность влиять на причинно-следственные связи [33, р. 41]. Исходя из этого определения, социальная реальность должна рассматриваться как совокупность каузально связанных объектов особого рода, отличающихся по своей природе от физических объектов. Поскольку это отличие сформулировано нами как разделяемая память, общий вид когнитивной модели социальной реальности наиболее просто может быть описан следующим выражением:

$$C (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')),$$

где C – совокупность каузальных связей между объектами M , которые представляют собой общую память совокупностей индивидов I ; x, y, z – индексы, характеризующие численность соответственно множеств объектов и индивидов.

Однако в наиболее простом виде формализация модели отражает общую память как нечто, находящееся за пределами конкретных людей, что противоречит принципу реализации существования общества через индивидов и может интерпретироваться как «реификация» – овеществление социальной реальности. Поэтому более корректную форму модель находит в выражении:

$$C (I_1 (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z')) \dots I_k (M_1 (I_1 \dots I_x) \dots M_y (I_1' \dots I_z'))).$$

Это выражение может быть прочитано как то, что социальная реальность представляет собой совокупность каузально связанных воспоминаний, одинаковым образом представленных в сознании индивидов, принадлежащих к различным группам.

Первым находит объяснение в предложенном подходе такой феномен, как границы обществ. Н. Луман замечает, что если «Бразилия представляет собой какое-то другое общество, нежели Таиланд, а США является иным, отличным от России обществом, [то] тогда и Парагвай, конечно, является обществом, отличным от Уругвая» [34, с. 22]. Этот иронический пример направлен против территориальной привязки обществ, позволяющих наблюдать их «извне». Однако на самом деле различие обществ Парагвая и Уругвая находит прямое эмпирическое подтверждение в их каузальной автономии. Будем считать каузально автономными такие объекты, общий ход основных событий в которых не связан причинными отношениями. Например, исламская революция в Иране не послужила существенной причиной для объединения Германии, а объединение Германии не обусловило возникновения гражданской войны в Сомали. В этом смысле общества Парагвая и Уругвая являются каузально автономными объектами, т. е. *разными* обществами. В результате этого, например, падение военной диктатуры в Уругвае в 1984 г. не привело к немедленному падению военной диктатуры в Парагвае. Вместе с тем макросоциальное различие государств справедливо было поставлено Н. Луманом в иронический контекст, потому что оно представляет собой явную проблему. Пространственная близость, многочисленные экономические, политические, межличностные связи, сходство исторического пути – все это ставит под вопрос правомерность разграничения «обществ» по территориально-политическому признаку. Таким образом, феномен границ между обществами, с одной стороны, наблюдается невооруженным глазом, с другой – достаточно легко проблематизируется и требует объяснения.

Основной вопрос заключается в том, почему внутри обществ причинные связи, как правило, сильнее, чем между обществами. Если в физическом мире каузальная автономия объектов достигается пространственной удаленностью и падающей по мере удаления силой взаимодействий, то в социальных системах, трактуемых как системы общей памяти, в роли расстояния, ослабляющего взаимодействия, может выступать различие в сохраненной информации. Так как социальные события развиваются в интерсубъективном поле, два множества индивидов каузально автономны тогда, когда ни одно из них не играет существенной роли в общей памяти другого. Какие бы социальные события ни происходили на множестве индивидов X , они не могут затронуть множество Y посредством социальных причинных связей, если множество X не встроено в общую память членов Y в достаточно сильной степени. В такой ситуации и возникают границы между социальными системами. Это, разумеется, не отменяет возможности иных причинных связей. Например, атомная война на соседней территории, безусловно, глубоко повлияет на общество Y , однако это влияние не будет напрямую связано с собственно социальной причинностью.

Вторая интересная возможность для применения m -модели открывается в теории социальной динамики. Одно из важнейших делений в этой области проходит между эндогенными и экзогенными факторами изменений [35, с. 41–43]. Можно с уверенностью говорить о том, что подавляющее большинство общественных трансформаций зависит как от тех, так и от других. Однако

не вполне объясненным остается фундаментальный характер эндогенных факторов. Системный взгляд на общество так или иначе предполагает его стремление к гомеостазу, поскольку последний представляет собой следствие отрицательной обратной связи [36, с. 118–119]. Для существования изменений это стремление должно преодолеваться. В разных теоретических традициях предлагаются разные внутренние силы, препятствующие социальному гомеостазу: технологический прогресс, борьба идей, борьба элит и т. п. Однако в большинстве случаев эти силы сами имеют признаки процессов социального изменения, а потому нуждаются в объяснении либо другой эндогенной переменной, либо переменными, внешними по отношению к социальной системе.

M-модель позволяет преодолеть это ограничение благодаря тому, что она вводит постоянно работающий неустранимый внутрисистемный противовес гомеостатическим тенденциям – нестабильность памяти. Как показывают многочисленные эмпирические исследования, процесс вспоминания часто может быть похож не на извлечение документа из архива, где он хранится в целостности и сохранности с момента размещения, а на работу детектива, «вычисляющего» содержание документа по косвенным признакам – это так называемая «реконструктивная память» [37, с. 250–252]. Естественно, такой процесс приводит к ошибкам и разночтениям относительно событий прошлого. Сконструированный характер воспоминаний объясняет их изменчивость на протяжении жизни и вариацию между свидетелями одних и тех же происшествий – факты, хорошо известные в источниковедении социальных наук. Он также обеспечивает фундаментальную нестабильность социальной реальности. Будучи совокупностью одинаково сохраненной информации, общество в любой момент времени воспроизводится не в точности, а с некоторой погрешностью, обусловленной компонентом реконструктивной памяти. Эта погрешность может быть как индивидуальной, так и коллективной. Во втором случае неточное воспроизведение информации автоматически влечет за собой социальное изменение. В подавляющем большинстве случаев оно будет носить микроскопический характер, например, такой как изменение порядка слов в ритуальной формуле на празднике. Однако повсеместность, постоянство работы этого механизма изменений и очевидная способность их к накоплению обеспечивают возможность существования мощного эндогенного фактора общественных трансформаций, не требующего никаких дополнительных объяснений и экзогенных переменных.

Наконец, третьим рассматриваемым феноменом выступают социальные нормы. Это понятие, как правило, используется тогда, когда объясняется поведение, причиной которого не является рациональный расчет или биологическая необходимость [38, р. 273]. Уступая пожилой женщине место в транспорте, Борис не приобретает явных выгод и не удовлетворяет явных биологических потребностей, и тем не менее его поведение не будет восприниматься как проблематичное, поскольку он следует социальной норме. Но до тех пор, пока достоверно не установлена природа социальных норм, их использование в объяснении поведения означает, что для совершения действий Борисом выдвигаются сразу несколько возможных оснований: подражание поведению окружающих, опасения социальных санкций, стремление к поддержанию определенного самовосприятия личности и т. п., что создает нежелательную конструкцию вида «причиной X является А, или В, или С» [39]. Центральной проблемой в понимании природы социальных норм можно считать принудительность их воздействия на поведение человека. Простейшей причиной, не требующей дальнейшего объяснения, выглядит страх перед санкциями. Вероятно, он стоит за значительной частью проявлений социального порядка, во всяком случае в аспекте *возникновения* норм. Однако практически любой член современного общества без труда опишет массу случаев *следования* социальным нормам в ситуациях, когда у актора не было никакой угрозы наказания. Характерный пример приводит Ю. Эльстер: «Я не ковыряю в носу, если меня могут увидеть пассажиры проходящего поезда, даже будучи уверенным, что никого из них я не знаю, никогда больше не увижу и они не могут применить ко мне никаких санкций» [40, с. 78].

Редукционистская m-модель требует объяснения общественных феноменов через механизмы, заложенные в одинаковом содержании памяти, что позволяет предложить следующее рабочее определение: социальная норма – это наиболее легко извлекаемая из памяти модель поведения в определенной ситуации. Такая дефиниция, во-первых, покрывает значительное количество вариантов описания норм (наиболее распространенная модель поведения, социально одобряемая и т. п. – все это могут быть аспекты наилучшей «вспоминаемости»). Во-вторых, весьма экономно, без привлечения дополнительных переменных отвечает на вопрос о том, почему социальные нормы обладают принудительной силой. Если следование им – первое, что приходит на ум в определенной ситуации, то все остальные варианты поведения, естественно, реализуются с гораздо меньшей вероятностью.

Заключение

Предложенная в статье редукционистская модель сознания, несмотря на некоторую радикальность, демонстрирует согласованность как с социологической традицией эмпирических и теоретических исследований, так и с повседневным употреблением понятия «сознание», т. е.

соответствует социальным конструктам как первого, так и второго порядка. Может показаться, что редукция сознания к памяти ведет к крайним субъективистским тенденциям, вплоть до солипсизма. Однако эта опасность легко преодолевается введенным различием модельного и субстанциального редукционизма. Астроном, рассматривающий в формулах небесной механики планеты в качестве шарообразных тел, не приобретает тем самым веры в несуществование гор и океанов. Точно так же и социолог, использующий ту или иную редукционистскую модель, не обязан отрицать многообразия и богатства социальной реальности, а также того самоочевидного факта, что другие упрощающие модели могут лучше описывать другие ее аспекты.

Потенциальная ценность *m*-модели для социологического теоретизирования проявляется в том, что она позволяет дать натуралистическую трактовку природе социальной реальности. Это, в свою очередь, открывает возможности объяснения таких феноменов, как границы обществ, эндогенные социальные изменения и социальные нормы. Разумеется, это неполный список, и дальнейшая работа по применению *m*-модели может существенно его расширить или же сократить, ведь предложенные в статье объяснительные схемы не претендуют на статус иной, чем наброски перспектив. Тем не менее их достаточно большое количество, сравнительно высокая концептуальная ясность и экономичность свидетельствуют о правомерности использования *m*-модели в социологическом теоретизировании, а значит, о необходимости ее дальнейшей формализации, детализации и эмпирической проверки.

Ссылки:

1. Гиддингс Ф.Г. Основания социологии / пер. с англ. Н.Н. Спиридонова. 3-е изд. М., 2012. 427 с.
2. Гумплович Л. Основы социологии / пер. с нем. под ред. В.М. Гессена. 2-е изд. М., 2010. 362 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995. 322 с.
4. Bhaskar R. Scientific Realism and Human Emancipation. L., 2009. 360 p.
5. Layder D. Understanding Social Theory. 2nd ed. L., 2006. 326 p.
6. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. 269 с.
7. Strawson G. Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism // *Journal of Consciousness Studies*. 2006. Vol. 13, no. 10–11. P. 3–31.
8. Dennett D.C. *Consciousness Explained*. Boston, 1991. 528 p.
9. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М., 2004. 1056 с.
10. Duina F. Consciousness in Classical Sociological Theories // *Journal of Consciousness Studies*. 2018. Vol. 25, no. 9–10. P. 99–124.
11. Rabow J. Psychoanalysis and Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 555–578. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.09.080183.003011>.
12. Elster J. *Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions*. Cambridge, 1999. 416 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173308>.
13. Cooley Ch.H. Social Consciousness // *American Journal of Sociology*. 1907. Vol. 12, iss. 5. P. 675–694. <https://doi.org/10.1086/211543>.
14. Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // *American Sociological Review*. 1961. Vol. 26, no. 2. P. 183–193. <https://doi.org/10.2307/2089854>.
15. Archer M.S. *Structure, Agency, and the Internal Conversation*. N. Y., 2003. 370 p.
16. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. 360 с.
17. Luhmann N. How Can the Mind Participate in Communication? // *Materialities of Communication* / ed. by H.U. Gumbrecht, K.L. Pfeiffer. Stanford, 1994. P. 371–387.
18. Walsh A. Methodological Individualism and Vertical Integration in the Social Sciences // *Behavior and Philosophy*. 1997. Vol. 25, no. 2. P. 121–136.
19. Gove W.R. Is Sociology the Integrative Discipline in the Study of Human Behavior? // *Social Forces*. 1995. Vol. 73, no. 4. P. 1197–1206. <https://doi.org/10.2307/2580441>.
20. Udry J.R. Biological Limits of Gender Construction // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65, no. 3. P. 443–457. <https://doi.org/10.2307/2657466>.
21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007. 348 с.
22. Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, 2012. 187 p.
23. Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105–140. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.105>.
24. Coser L.A. The Revival of the Sociology of Culture: The Case of Collective Memory // *Sociological Forum*. 1992. Vol. 7, no. 2. P. 365–373.
25. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // *Социологические исследования*. 2011. № 6 (326). С. 13–23.
26. Ferrarotti F. *Time, Memory, and Society*. N. Y., 1990. 168 p.
27. Simko C. Forgetting to Remember: The Present Neglect and Future Prospects of Collective Memory in Sociological Theory // *Handbook of Contemporary Sociological Theory* / ed. by S. Abrutyn. N. Y., 2016. P. 457–475. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32250-6_22.
28. Wieviorka M. Memory and Sociology: Subjectivization and De-subjectivization // *Reimagining Social Movements: From Collectives to Individuals* / ed. by A.L. Farro, H. Lustiger-Thaler. Farnham, 2014. P. 119–128.
29. Eck D., Turner S. Cognitive Science and Social Theory // *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology* / ed. by W.H. Brekhuis, G. Ignatow. N. Y., 2019. P. 153–168. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.9>.
30. Шюц А. Указ. соч. С. 61.
31. Там же. С. 27.
32. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2010. 229 с.

33. Armstrong D.M. *A World of States of Affairs*. Cambridge, 1997. 285 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511583308>.
34. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004. 232 с.
35. Штомпка П. Социология социальных изменений : пер. с англ. М., 1996. 415 с.
36. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д.Г. Лахути. М., 1959. 432 с.
37. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб., 2011. 560 с.
38. Jones T. "We Always Have a Beer after the Meeting": How Norms, Customs, Conventions, and the Like Explain Behavior // *Philosophy of the Social Sciences*. 2006. Vol. 36, iss. 3. P. 251–275. <https://doi.org/10.1177/0048393106289791>.
39. Jones T. Norms and Customs: Causally Important or Causally Impotent? // *Ibid.* 2010. Vol. 40, iss. 3. P. 399–432. <https://doi.org/10.1177/0048393109345138>.
40. Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // *Thesis*. 1993. Вып. 3. С. 73–91.

References:

- Archer, MS 2003, *Structure, Agency, and the Internal Conversation*, New York, 370 p.
- Armstrong, DM 1997, *A World of States of Affairs*, Cambridge, 285 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511583308>.
- Ashby, WR & Lakhuti, DG (trans.) 1959, *An Introduction to Cybernetics*, Moscow, 432 p., (in Russian).
- Baddeley, A, Eysenk, MW & Anderson, MC 2011, *Memory*, St. Petersburg, 560 p., (in Russian).
- Berger, P, Luckmann, T & Rutkevich, E (trans.) 1995, *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*, Moscow, 322 p., (in Russian).
- Bhaskar, R 2009, *Scientific Realism and Human Emancipation*, London, 360 p.
- Cooley, ChH 1907, 'Social Consciousness', *American Journal of Sociology*, vol. 12, iss. 5, pp. 675-694, <https://doi.org/10.1086/211543>.
- Coser, LA 1992, 'The Revival of the Sociology of Culture: The Case of Collective Memory', *Sociological Forum*, vol. 7, no. 2, pp. 365-373.
- Dennett, DC 1991, *Consciousness Explained*, Boston, 528 p.
- Duina, F 2018, 'Consciousness in Classical Sociological Theories', *Journal of Consciousness Studies*, vol. 25, no. 9-10, pp. 99-124.
- Eck, D & Turner, S 2019, 'Cognitive Science and Social Theory', in WH Brekhus & G Ignatow (eds), *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology*, New York, pp. 153-168, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.9>.
- Elster, J 1993, 'Social Norms and Economic Theory', *Thesis*, vol. 3, pp. 73-91, (in Russian).
- Elster, J 1999, *Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions*, Cambridge, 416 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173308>.
- Ferrarotti, F 1990, *Time, Memory, and Society*, New York, 168 p.
- Giddings, FG & Spiridonov, NN (trans.) 2012, *The Principles of Sociology: an Analysis of the Phenomena of Association and of Social Organisation*, 3rd ed., Moscow, 427 p., (in Russian).
- Gove, WR 1995, 'Is Sociology the Integrative Discipline in the Study of Human Behavior?', *Social Forces*, vol. 73, no. 4, pp. 1197-1206, <https://doi.org/10.2307/2580441>.
- Gumpłowicz, L & Gessen, VM (trans. ed.) 2010, *The Outlines of Sociology*, 2nd ed., Moscow, 362 p., (in Russian).
- Halbwachs, M & Zenkin, SN (trans.) 2007, *The Social Frameworks of Memory*, Moscow, 348 p., (in Russian).
- Husserl, E & Molchanov, VI (trans.) 2010, *Cartesian Meditations*, Moscow, 229 p., (in Russian).
- Jones, T 2006, "We Always Have a Beer after the Meeting": How Norms, Customs, Conventions, and the Like Explain Behavior', *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 36, iss. 3, pp. 251-275, <https://doi.org/10.1177/0048393106289791>.
- Jones, T 2010, 'Norms and Customs: Causally Important or Causally Impotent?', *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 40, iss. 3, pp. 399-432, <https://doi.org/10.1177/0048393109345138>.
- Layder, D 2006, *Understanding Social Theory*, 2nd ed., London, 326 p.
- Luhmann, N 1994, 'How Can the Mind Participate in Communication?', in HU Gumbrecht & KL Pfeiffer (eds), *Materialities of Communication*, Stanford, pp. 371-387.
- Luhmann, N & Antonovskij, A (trans.) 2004, *The Society as a Social System*, Moscow, 232 p., (in Russian).
- Luhmann, N 2007, *Introduction to Systems Theory*, Moscow, 360 p., (in Russian).
- Olick, JK & Robbins, J 1998, 'Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices', *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 105-140, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.105>.
- Rabow, J 1983, 'Psychoanalysis and Sociology', *Annual Review of Sociology*, vol. 9, pp. 555-578, <https://doi.org/10.1146/annurev.so.09.080183.003011>.
- Romanovsky, NV 2011, 'Memory Boom in Sociology', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6 (326), pp. 13-23, (in Russian).
- Schütz, A 2004, *Selected: World Glowing with Sense*, Moscow, 1056 p., (in Russian).
- Simko, C 2016, 'Forgetting to Remember: The Present Neglect and Future Prospects of Collective Memory in Sociological Theory', in S Abrutyn (ed.), *Handbook of Contemporary Sociological Theory*, New York, pp. 457-475, https://doi.org/10.1007/978-3-319-32250-6_22.
- Strawson, G 2006, 'Realistic Monism: Why Physicalism Entails Panpsychism', *Journal of Consciousness Studies*, vol. 13, no. 10-11, pp. 3-31.
- Sztompka, P 1996, *The Sociology of Social Change*, Moscow, 415 p., (in Russian).
- Udry, JR 2000, 'Biological Limits of Gender Construction', *American Sociological Review*, vol. 65, no. 3, pp. 443-457, <https://doi.org/10.2307/2657466>.
- Vasiliyev, VV 2009, *The Hard Problem of Consciousness*, Moscow, 269 p., (in Russian).
- Walsh, A 1997, 'Methodological Individualism and Vertical Integration in the Social Sciences', *Behavior and Philosophy*, vol. 25, no. 2, pp. 121-136.
- Wieviorka, M 2014, 'Memory and Sociology: Subjectivization and De-subjectivization', in AL Farro & H Lustiger-Thaler (eds), *Reimagining Social Movements: From Collectives to Individuals*, Farnham, pp. 119-128.
- Wrong, DH 1961, 'The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology', *American Sociological Review*, vol. 26, no. 2, pp. 183-193, <https://doi.org/10.2307/2089854>.
- Zerubavel, E 2012, *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*, Chicago, 187 p.